

О том, как стал патриотом геофака, открыл для себя девушек и в одиночку проехал автостопом весь Крым

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1632>

17 августа 2013

Собеседник

Родоман Борис Борисович

Ведущий

Самодуров Юрий Вадимович

Дата записи

Беседа записана 17 августа 2013 и опубликована 20 января 2016.

Введение

Шестая беседа с Борисом Родоманом посвящена периоду обучения на географическом факультете МГУ, которое было связано для рассказчика с открытием трех главных увлечений, определивших дальнейшую судьбу – женщины, путешествия и наука. Примечательно, что общение со сверстниками в 1950-е годы было во многом ограничено отдельным школьным образованием. Замечательный педагог, фронтовик, Борис Беклешов, организовал при факультете Школу молодых географов, которая привлекала в поездки очень многих, в том числе и Бориса. И почти сразу после поступления будущий ученый, влюбленный в ландшафт, выбрал себе специальность – геоморфология.

Основная тема разговора – атмосфера на факультете, неформальные кружки, однокурсники-фронтовики и студенческие поездки второго курса, в которых молодой ученый принимал участие: геодезическая практика в Красновидово (в которой он уронил теодолит и пропустил главное событие – похороны галчонка Потенота) и общегеографическая практика в Крыму – непрестижная, потому что легкая и комфортная (часть которой Борис провел в больнице, подавившись рыбной костью). По завершении практики молодой ученый отправился в одиночное путешествие по Крыму: освоив путешествия автостопом лет за сорок до появления в русском языке этого слова.

Юрий Вадимович Самодуров: В наших встречах с вами был перерыв. Я рад, что они, во-первых, возобновились, а, во-вторых...

Борис Борисович Родман: Что предмет встреч жив.

Ю.С.:... Предмет встреч жив. Вы только что вернулись из громадного путешествия, были в Исландии, Гренландии. Не каждый человек может этим похвастать. И даже не каждый географ. Так что вы больше, чем живы. Вы сейчас побывали почти на полюсе мира. Если хотите, мне было бы интересно узнать что-то о путешествии: как оно сложилось и чем вам запомнилось. А если нет, можем просто продолжить.

Б.Р.: Я могу несколько слов и о путешествии сказать... Я ездил с помощью туристской фирмы. Поездки в эти страны сейчас для россиян уже не бог знает что. Если раньше посещение высоких гор, тропических лесов, Арктики, Антарктики было достижением скорее моральным и физическим, то сейчас это свидетельствует только о платежеспособности туриста и о том, что он готов тратить деньги на это, а не на что-то другое. Сейчас вас за ваши деньги куда угодно, в том числе и в космос доставят с комфортом — и с тем, без чего человек жить не может в наши дни, а именно: с роскошным чистым ватерклозетом. Так было и в случае со мной. Конечно, для самоутверждения моего подобные путешествия очень значительны, потому что я родился в то время, когда о таких местах, как Гималаи или Гренландия можно было говорить только с большим придыханием, и мало кто надеялся, что в своей жизни их увидит. Вот эта мечта сбылась. Я, конечно, не намерен говорить подробности об этих странах. Но скажу главное об Исландии: так же, как и другие скандинавские страны, для меня это прежде всего страна нормальных людей. Это люди, которые спокойно живут и работают в рабочее время, никого не обманывают, не воруют, в свободное время отдыхают. Там нет душевного надлома, нет мучений за судьбу своей страны, за будущее. Нет отчаянной борьбы за выживание и так далее. Люди просто живут в свое удовольствие. Может быть, нам, россиянам, это не подходит, потому что мы привыкли мучиться, страдать, надеяться, мечтать, разочаровываться и так далее. Я не вижу всего этого в их повседневной жизни. Тем не менее жизнь там бьет ключом, люди веселятся, страны эти популярны для туризма, и число туристов в сезон кое-где превышает численность местных жителей. У меня остались самые прекрасные впечатления и от кольцевого тура по Исландии, и от кратковременной поездки в Гренландию, где нам особенно повезло с погодой, потому что, как это ни парадоксально, самые теплые, солнечные дни были у нас в Гренландии. К сожалению, это путешествие последнее в моей жизни, несомненно, больше у меня никогда не будет средств ездить за свой счет. Я ездил накопил просто деньги от своей обычной очень маленькой зарплаты за восемнадцать месяцев. Умножь восемнадцать на двенадцать тысяч рублей, которые я получаю в месяц, получается почти четверть миллиона. Теперь, я думаю, это мне уже не светит никогда, но я достаточно поездил, и список моих путешествий, который прилагается к моим разным сочинениям, биографиям и сборникам, внушительный. Я считаю, что последние годы моей жизни прошли и, может быть, еще пройдут достаточно ярко. Но сейчас мы должны, кажется, вернуться к далеким 50-м годам.

Ю.С.: Да.

Б.Р.: Помните вы, на чем мы остановились? Я помню, но помните ли вы?

Ю.С.: Мне кажется, вы уже поступили в университет.

Б.Р.: Нет, еще только собирался поступать. Напоминаю, что обычно я говорю, что стал географом из любви к путешествиям и географической карте. Однако, будучи школьником, я, как и подавляющее большинство, точнее, как все советские люди не представлял себе, что есть такая наука «география» в наши дни и что можно быть географом, а не учителем географии. Этого я, как и все школьники не знал, поэтому география не входила в мои планы как специальность. Я по окончании школы пытался поступить в Институт востоковедения на страноведческое отделение китайского факультета — или на китайское отделение страноведческого факультета.

Ю.С.: Поступили, нет?

Б.Р.: Нет, конечно. Меня туда не взяли якобы по состоянию здоровья. А тогда, если в один вуз провалился, ты не мог поступить ни в какой другой, нужно ждать целый год. Поэтому зиму я провел на Украине у своей тетки, где пересматривал свою жизнь, многое переосмыслил и, как это ни странно, писал мемуары. Первые в моей жизни мемуары написаны...

Ю.С.: Напомните, какой это год?

Б.Р.: Это была зима 1949/50 года. В 1950 году я стал поступать на географический факультет МГУ, но так как там был конкурс примерно пять человек на место, надо было людей отсеивать. Я не сразу туда поступил, а с опозданием на один день. Оказалось, что я не попал в число поступающих на дневное отделение, но меня приняли на заочное. Это произошло в самом конце августа. Но я не очень от этого тужил, я решил, что еще погуляю, а с 1 октября заочников призовут на сессию, я начну учебу. Но моему отцу удалось изменить эту ситуацию.

” Им надо было людей отсеивать, они отсеивали по разным признакам, в том числе и по фамилиям. Моему отцу пришлось явиться лично в деканат и показать там свое чистокровно славянское лицо, удостоверенное надписью в паспорте.

Там с радостью изменили свое решение, потому что не от них же это зависело, на них давили сверху. И меня быстро перевели из заочного отделения на дневное. Это произошло буквально 31 августа.

Но интересно, что в моей жизни, к сожалению, никогда не было настоящего 1 сентября. Я поступил в школу в первый класс в 1939 году с опозданием, потому что мы отдыхали в Крыму. Меня привели в класс как новичка уже в конце сентября. Во время войны учебный год начинался 1 октября. И тут тоже... Оказывается, остальные товарищи, которых приняли на заочное отделение, явились 1 сентября на занятия вместе с очниками, а я соблюдал правила: раз я на заочном отделении, я гуляю еще месяц. Я пошел гулять по Москве. Как обычно, я гулял по Москве, объезжал ее на трамваях, вернулся к вечеру. Вечером меня ждало письмо из деканата, которое извещало о том, что я принят на очное отделение, и мне надлежит завтра явиться на занятия.

Ю.С.: Почта работала замечательно.

Б.Р.: Вот именно это я и хочу сказать, дорогой Юра, именно это я хочу сказать: то, во что никто не может поверить в наши дни. Было такое правило, что письмо, опущенное в Москве до двенадцати дня, должно в тот же день дойти до адресата. Деканат опустил письмо утром, и вечером оно было у меня. Что касается Ленинграда, здесь так: если до середины дня вы опустили письмо в Москве, адресованное в Ленинград, через сутки оно будет у адресата. Сейчас этого нет. Чем сейчас занимается почта, я не знаю. Она занимается чем угодно, но в последнюю очередь доставкой писем людям. Домой она письма не доставляет. И вот, значит, я явился на занятия.

” И вот, значит, я явился на занятия. В моей жизни наступила совершенно другая эпоха. Я сразу стал патриотом географического факультета. Меня сразу захватила эта жизнь.

Тогда географический факультет помещался в старой части Москвы, на Моховой, которая некоторое время называлась проспектом Маркса, но, по-моему, после.

Ю.С.: После, после.

Б.Р.: Там был и физический факультет, и многое другое. И там был Медицинский институт, который отделился от Университета в первые годы советской власти. Рядом с Медицинским институтом стояло

такое же красное кирпичное здание, четыре или пять этажей, и на самом верхнем этаже, четвертом или пятом, помещался геофак МГУ. Очень простая планировка: коридор и по бокам аудитории. В торце коридора было окно, которое выходило на анатомический корпус. Мы видели, как там грузили трупы, привозили на грузовиках голые тела мужчин и женщин, особенно нас, конечно, развлекало. И клали их друг на друга: один слой головой в одну сторону, следующий слой головой в другую сторону, так, чтобы голова вышележащего трупа лежала между ног у нижележащего. И вот на эти голенькие трупы мы взирали из окна пятого этажа.

Борис Беклешов и Школа «юнг»

У нас была 56-я аудитория, общая. Сколько о ней было сочинено песен и стихов! Сидели мы там, конечно, в тесноте, но все помещались.

Дальше нас взял в свои руки — нас, первокурсников — некто Борис Беклешов. Он был бывший фронтовик, из разряда людей, которые любили возиться с молодежью и школьниками. Он сразу нас стал привлекать к туристским походам...

Ю.С.: Он какой-нибудь парторг был или что-нибудь?

Б.Р.: Его несчастье было в том, что он не был ни комсоргом, ни парторгом, и, как вы догадываетесь, Юра, его в конце концов «съели». Такому человеку, не только в советское время, но и в наше, разумеется, просто так существовать не дадут. Его загнали в гроб впоследствии за активную деятельность. Он действительно любил молодежь. Ну вот, он возил нас в туристские походы. Первым походом у нас был поход в район станции «Турист», бывшая до революции станция «Влахернская», известное место, Парамонов овраг. Сейчас там бобслей и горнолыжный спорт, около станции «Турист». И потом водил нас в пещеры Съяновские на реке Пахре. Тоже было интересно, потому что нас целый курс, а пещера узенькая, полдня туда, полдня обратно проталкивались, там были недолго. О Беклешове стоит, конечно, вспомнить. Его журил деканат за «беклешовщину», за самодеятельность, приписали ему и аморалку, без этого никак нельзя, потому что были девушки, которые были в него влюблены, и не одна. Школьницы. Школа юных географов была у нас, Школа «юнг». Я-то в ней не был, но некоторые мои товарищи были, еще до поступления на геофак, в старших классах школы. Даже коллега Каганский побывал в «юнгах», это существенно. Я, конечно, когда был школьником, ни в каких кружках не был, о существовании «юнг» не знал. Может быть, это давало какие-то преимущества при поступлении, потому что «юнги» были там своими людьми. «Юнги» — значит «юные географы». Ну вот, Беклешов. Конечно, песни у костра, походы. А самого Беклешова «загнали в гроб», он умер от рака значительно позже, в 1957 году. Интересно, что в 1956-м в нашей стране были приоткрыты немножко границы, разрешили людям ездить за рубеж, в том числе в Финляндию. Беклешов был первым, кто туда поехал, а я по его следам поехал несколько месяцев спустя, под влиянием его поездки. Он и умер как раз в те дни, когда я ездил в Финляндию. О Беклешове написала повесть, «Повесть о Борисе Беклешове» писательница Любовь Рафаиловна Кабо. Она была дочерью известного географа Рафаила Михайловича Кабо, но она не знала своего героя, Беклешова не видела, а писала о нем книгу по рассказам.

Важнейшим «географическим открытием» тех лет для меня были девушки.

Дело в том, что я жертва отдельного обучения, и в возрасте от четырнадцати до почти девятнадцати я очень страдал от того, что среди моих знакомых не было девушек. Окружение мальчиками в школе на меня действовало угнетающе: грязь, мат, грубость, — все это очень мне не нравилось. Здесь было как раз наоборот, даже очень наоборот, у нас девушек была почти сотня, а мальчиков около пятидесяти. После пяти лет обучения я кое-как выучил имена и фамилии только мальчиков, а девушек всех

невозможно было запомнить. Короче говоря, на меня это действовало хорошо. Я, конечно, не умел с девушками обращаться, смешивал влюбленность с дружбой. Да и они тоже все были, как правило, девственницы, очень задавленные моралью. Были разные проблемы. После школы с ее казарменной грубостью этот женственный геофак показался мне очень приятным местом. Я обрел источники вдохновения. После мрачного периода старших классов школы у меня начался период светлый, обучение на геофаке. В моей жизни такие периоды, светлые и темные, чередуются. Геофак был для меня ярким, светлым периодом.

В те годы студенты, особенно первокурсники, не замыкались на своих кафедрах. Четкое деление студентов по кафедрам — это продукт более поздних лет, 1960-х — 1970-х годов, тогда кафедры так не доминировали. Первокурсники еще не делились на специальности. При поступлении я подавал заявление на геоморфологию, но это было предварительно, заявление не имело никакой силы, а нужно было только для ориентировки. На геоморфологию я подавал заявление, потому что считал эту дисциплину наиболее географичной. Ведь, в отличие от всех остальных так называемых компонентов географической среды, рельеф присутствует везде, он занимает сплошь всю планету. И топография, и геология с ним тесно связаны. А я любил не отдельные объекты — растения, животных, — а именно ландшафт. И к ландшафту ближе всего из географических дисциплин геоморфология. Ну, я подковался по геоморфологии, читал труды Щукина и Эдельштейна, репрессированного геоморфолога, он же и геологом считался.

Ю.С.: Да, у меня учебник его есть.

Б.Р.: Один из немногих репрессированных геологов. Геологам все-таки повезло в этом плане.

Ю.С.: Нет, геологов очень много репрессировали.

Б.Р.: Много, да? Ну, значит, именно географов... Надо сказать, что девушки иногда очень помогали мне учиться. Когда у меня что-то не получалось, они брались за меня и, окружив меня, добивались того, что я...

Обучение в Университете

Ю.С.: А как было построено обучение?

Б.Р.: На первом курсе преобладала, к сожалению, лекционная форма обучения. И лекции были совершенно разные по качеству.

Ю.С.: Кого-то можете вспомнить, как плюс, так и минус?

Б.Р.: Да, конечно. Например, нам в течение всего года читали курс геодезии. Он был абсолютно бесполезен, не потому что никому не понадобится в дальнейшем, это само собой, а потому что в отрыве от практики он совершенно не воспринимался. Ты, Юра, конечно же, изучал геодезию?

Ю.С.: Да, у нас была геодезическая практика месяц.

Б.Р.: Конечно, у всех была. У нас, к счастью, была на лоне природы, а не на асфальте улиц московских. Когда практика наступила, я нашел там много интересного. Я понял, что зима прошла для меня бесполезно, потому что я из лекций абсолютно ничего не усваивал. Но, видимо, лектору это было безразлично. Лектор был Дензин, закоренелый геодезист. Он и бубнил свое в течение зимы. Никто ничего не понимал. Все сидели как могли: кто молчал, кто занимался своими делами на галерке. У нас был журнал «Пылесос» нелегальный, орган галерки. Интересно, что, в 1950-е годы у нас был свой нелегальный журнал, в тетради его писали, рукописный, который высмеивал преподавателей, в том числе марксизма-ленинизма. О Дензине было написано: «Не диво, что всегда студентов клонит в сон / На лекциях его. Но то одно, что он / Сам не заснул от собственного чтения, гораздо большего достойно удивленья».

Ю.С.: Почти как у Пушкина.

Б.Р.: Ну конечно, язык пушкинский. Как я сказал, студенты не замыкались в своих кафедрах, на первом курсе кафедры не имели над ними власти, а было что-то общее, факультетское. Масса студентов была не аморфна, она была структурирована. Была какая-то самоорганизация: студенты образовывали самостоятельные микрогруппы, это были микрогруппы приятелей, которые собирались вместе независимо от специальности. Одной из причин появления таких групп были туристские походы. 7 ноября много студентов с нашего курса отправилось в туристский поход. 7 ноября — это ведь довольно холодное время...

Ю.С.: Да.

Б.Р.: Палаток ни у кого не было. Мы ночевали, правда, в избах. Тогда деревенские жители беспрекословно пускали горожан на ночлег, даже не было речи, чтобы не пустить. Они были обязаны это делать, это был такой обычай у нас в стране. А мы организовывали, вернее, нам организовали «звездный» туристский поход. В том смысле, что начинали в разных местах, а должны были прийти в какую-то точку на Рогачевском шоссе. Моя группа из шести человек (не в смысле, что я был руководителем, я был участником), начала от станции Яхрома, потом мы шли, ночевали в нескольких селах и в конце концов оказались на Рогачевском шоссе, в эти три дня. Ночевали мы в избах, в тепле: один раз в сельском клубе, в другой раз в жилом доме, даже однажды на сеновале, где было холодно, и утром кого-то из нас чуть не проткнули вилами. Есть дневник одной девушки, которая все это описывает.

И вот возникла такая группа. Я оказался в так называемой «дружной шестерке», которая состояла из трех юношей и трех девушек. Можно сказать, что они как-то сплотились с намеками на любовь, но в конце концов не было среди них пар, которые потом поженились. Жизнь расставила людей иначе. Но подобие какой-то такой дружбы было. Эти походы, эта «дружная шестерка», как я ее называю, из них вышли достаточно яркие люди. Например, гляциолог Владимир Ходаков. Он давно уже умер, но о нем есть хорошее воспоминание в книге, изданной в Институте географии Академии наук, где он работал всю жизнь. Ботаник Сергей Иконников, который был уникальным специалистом по флоре Памира и большую часть своей жизни проводил на Памирской биостанции. Дальше Михайлов, в последствии ландшафтовед, почвовед и северовед. Но наибольшее влияние на меня оказывал Игорь Николаевич Олейников. Это был самый молодой студент нашего курса. В то время, как у нас средний год рождения был 1932-й, у меня 1931-й — меньшинство было 1931-го, 1933-го было еще меньше, а 1934 года рождения был один только Игорь Олейников. Он был вундеркинд, знавший четыре иностранных языка, сын провинциального интеллигентного врача-психиатра из Пензы. Он, в общем, оказывал на нас большое влияние именно своей образованностью. Он был явный оппозиционер по своим взглядам... Талантливый африканист, который написал несколько книг по Африке, но не успел в Африке побывать. Скончался очень рано, примерно в 1976 году, не дожив до пятидесяти, потому что вел нездоровый образ жизни: сидел в комнате, курил и писал свои сочинения, на улицу почти не выходил.

Ю.С.: А по поводу курсов, которые запомнились, если такие были.

Б.Р.: Да, были, конечно.

Ю.С.: Что-нибудь назовите. Ну, геодезия — понятно, не тот курс.

Б.Р.: Как же, там все было: и почвоведение, и ботаническая география с элементами геоботаники.

Ю.С.: Хорошие лекторы были? Кого вам хочется вспомнить?

Б.Р.: Я не могу сказать, что именно на первом курсе... Ах, да-да-да, конечно! Для всех первокурсников существовал один яркий лектор — Борис Павлович Орлов. Он был человек с таким как бы морским уклоном, гидрометеорологическим. Он читал «Введение в физическую географию». Его держали, потому что он очень ярко говорил, его слушали все как зачарованные. Его лекции были как сказки. Слушали его с огромным удовольствием. Говорил он смачно, красиво. У него был недостаток с точки зрения деканата: он никак не мог написать ни одной научной работы, которая нужна была хотя бы для того,

чтобы поддерживать свою докторскую степень или чтобы получить ее, я не помню, когда он стал доктором. (Стал доктором в 1936 г., а академиком АПН в 1947 г. — Б.Р.). В общем, с ним общаться было приятно. Я помню, когда сдавал ему экзамен, может быть, по гидрологии, он спросил меня: «Что такое „озеро“?» Я сказал, что это углубление в земной коре, заполненное водой. Он спросил: «До краев ли заполненное?» Я сказал: «Нет, конечно, не обязательно до краев». В это время он сосал какую-то конфетку. Он кивнул, поставил мне пятерку. Много говорил терминов из морской жизни. «приглубый», «мористее» — и что «ветер всегда дует в компас». Вам понятно, что это значит?

Ю.С.: А, да.

Б.Р.: Я объясню тем, кто не понимает. Дело в том, что обычно о ветрах говорят... направление ветра — откуда он дует. А течение — куда. Поэтому есть такая тонкость. «Ветер всегда дует в компас», то есть откуда он дует, та часть света и называется. Моряки не случайно говорят «компас», потому что по-латыни «компассум» произносится... Моряки должны другое ударение ставить, чем гражданские лица, это, как правило, всегда так. Конечно, о таких лекторах всегда запоминается что-то анекдотическое. Например, по поводу формы Земли. Земля в первом приближении имеет форму шара, во втором приближении — форму сфероида, в третьем — трехосного эллипсоида, и, наконец, в последнем приближении имеет форму геоида. Геоид — это фигура, которая образуется от мысленного продолжения уровня Мирового океана. Все это довольно сложно.

” Он говорил, что один студент ему задал вопрос, что если Земля имеет форму геоида, значит, огурец имеет форму огурцоида, и он почему-то очень возмутился этим вопросом. А я считаю, что студент был прав, что по сути дела так и есть.

Такие вот вещи, конечно, запоминаются. Я любил «Общее землеведение», любил книгу Станислава Викентьевича Калесника «Основы общего землеведения», хотя не могу сказать, что я ее освоил.

Ю.С.: Дальше, наверное, была практика после первого курса.

История о ненаписанной курсовой

Б.Р.: После первого курса была, конечно, практика. Да, у нас уже на первом курсе писали курсовые работы.

Ю.С.: Да?

Б.Р.: Сейчас этого нет. В последующие годы, когда я был сотрудником геофака МГУ, курсовые работы начинались только на втором курсе. Это, возможно, был один из последних годов, когда курсовые работы писали на первом курсе. Потом от этого отказались... И вывесили на стене темы курсовых работ. Я взял тему, которая была еще не разобрана и которая меня привлекала: «Российско-американская компания и ее географическая деятельность». Это было по истории географии. Дело в том, что я до этого прочитал книгу некоего Маркова «Юконский ворон» об освоении Аляски русскими.

Ю.С.: Да, я ее читал.

Б.Р.: Ну вот. Поэтому я с радостью взял эту тему и пошел в библиотеку. Но дальше я в этом увяз. Дело в том, что я, как это ни странно, не понял задачу. У меня получалась какая-то компиляция из книг, которые я там читал. А ведь что такое географическая деятельность — показать, что было нового именно в сфере географических открытий. Кажется, я с этим не справился. Но интересно, что эта работа так и осталась ненаписанной, и как-то получилось, что никто меня за это не преследовал. Я, окончив геофак, не сдал не менее пяти обязательных экзаменов, не написал одной курсовой работы. Как это получилось, не знаю. Было меньше формализма в то время, я ее не написал — и ничего.

Ю.С.: Но вы были хорошим студентом?

Б.Р.: На первом курсе я был неизвестным студентом, я никому еще не был известен и никто не мог сказать, хороший я студент или плохой. Я был сам по себе, у меня не было никаких опекунов. Меня знали в разных группах какие-то преподаватели, но не более того. Я стал известен руководству только после второго курса, когда написал одно сочинение — вот тогда уже я сразу вошел, въехал в науку, так сказать, на белом коне. А на первом курсе — не могу сказать, чтобы меня кто-то вообще знал. Меня знали ближайшие товарищи, и все. У меня проблем никаких не было. Я записывался в какие-то кружки, в парашютный даже записался. Сказали, что со слабым зрением не берут. Может, оно и к лучшему.

Ю.С.: Мне кажется, это общая ситуация для молодых людей, которые поступают в институт, если они приблизительно ровесники. У вас фронтовики были в группе?

Б.Р.: Да, были, конечно, это очень существенная часть.

Ю.С.: Они как-то выделялись?

Б.Р.: Да, конечно, они выделялись. Они часто выбирались в качестве комсоргов, и лидерами они были, моральными лидерами. Они, конечно, совершенно иначе смотрели на жизнь. Для них мы были дети...

Ю.С.: Ну да.

Б.Р.: Вполне понятно. И наши всякие комсомольские разборки казались им детским лепетом. Но они были членами партии, как правило.

Ю.С.: А вы комсомольцем-то были, когда поступили?

Вступление в комсомол

Б.Р.: С комсомолом дело обстоит так. В средней школе я был очень оппозиционен по отношению к режиму, и мы с моим другом, как говорили, «растленным типом» из моего класса, Юрием Погодиным, который стал адвокатом (довольно циничная профессия), одно время пришли к выводу, что между нашим режимом и фашистским разницы нет принципиальной. Просто фашизм — это немецкий тоталитарный режим, а наш... Как я вам уже сказал, я немножко пересмотрел свои взгляды. И так как я понял, что слишком далеко разошелся со своими ровесниками, я решил принять эту идеологию. Я примерно с восемнадцати лет до двадцати двух придерживался идеологии советской, но недолго, до смерти Сталина. Но к концу десятого класса мы с Погодиным, два «растленных типа» (у нас было десятилетнее обучение) решили, что надо поступиться принципами, в комсомол вступить. Мы подали заявления, все, конечно, обрадовались, учителя и школа...

Ю.С.: И вас приняли?

Б.Р.: Да, приняли. Чистая формальность, но комсомольский билет я получил уже после окончания школы. Я зашел туда очень смущенным, мне его выдали в райкоме. Но я его получил. Прикрепили меня не знаю куда, чуть ли не к ЖЭКу, куда-то надо было, но я туда ни разу не явился. Потом я с этим билетом поступил на геофак. Это было нормально, я был комсомольцем, вот и все. Комсомольские собрания у нас были, мы занимались там перевоспитанием, в том числе и этого нашего друга, Игоря Олейникова, который оторвался от коллектива. Естественно, это у нас было.

Геодезическая практика в Красновидове

Ю.С.: А второй курс чем-нибудь запомнился?

Б.Р.: Ну конечно, мне каждый курс запомнился! Подожди, до второго курса еще была практика

в Красновидове!

Ю.С.: Геодезическая?

Б.Р.: Да, там была геодезическая практика, очень яркая. Совершенно бесполезная для последующей жизни, но... Это было событие яркое и долгожданное. Красновидово и сейчас существует на берегу Можайского водохранилища. Тогда водохранилища не было, была обыкновенная Москва-река с красивым пейзажем и, что очень важно для нас, с полным набором геоморфологических элементов: пойма, терраса и так далее. Это было базой для нашего обучения и для геодезической практики.

Ю.С.: Вы жили в палатках, в домиках?

Б.Р.: Мы жили в палатках. Но я сейчас все по порядку скажу. В Красновидове был Дом отдыха, еще до революции, ветеранов-железнодорожников железной дороги, которая сейчас называется Белорусской. Для них там был построен дом ветеранов или престарелых. Хозяева железной дороги построили. На этой базе что-то еще возникло, а рядом было село Аксаново. Село Аксаново было совершенно классическое, оно еще в кинофильме «Председатель» фигурировало. А Красновидово — поселок, к нему примыкающий. Там было два кирпичных здания. В одном помещался Дом отдыха МГУ, в другом — база географического факультета. Там лежал какой-то инвентарь, еще что-то, была канцелярия. Там было два этажа и лестница, которая их соединяла.

Студенты размещались в палатках армейских, на кроватях. То ли двадцать, то ли сорок человек в каждой палатке. Если двадцать, то, значит, по десять кроватей с каждой стороны, причем тогда еще не было портативных раскладушек алюминиевых. Кровати были разборные металлические, пружинные. Стояли справа и слева. Один из студентов обязательно должен был дежурить ночью. Когда мне это досталось, я, конечно, засыпал.

Мы поселились там. Построения, линейки. Нас разбили на бригады. Каждая бригада должна идти по полигону. Возможно, полигон был один у всех, но чертеж, съемка была у каждой бригады своя. В результате мы должны были создать топографическую карту местности, этого клочка земли. Причем сама карта была в конце, а собственно геодезия занимала 90% времени. Я, как член «дружной шестерки», с которой мы ходили в ноябре в поход, тоже надеялся, что буду вместе с ними. Но так как я в группе оказался последним, видимо, не самым любимым, а группа, бригада, должна была насчитывать пять человек, я в эту группу не вошел. И ко мне пристегнули еще четыре девушки, а меня сделали бригадиром, потому что я был лицом мужского пола. Это в моей жизни был первый и последний опыт командования какими бы то ни было людьми. Первый и последний. Я, естественно, не понимал никаких гендерных отличий мужчин и женщин. Ничего я в этом не понимал, но мне, конечно же, по наивности понравилось, что я главный. Под моим началом было пять ярких девушек. На первом месте в моем понимании стояла красавица Галя Постоленко. Я с ней и сейчас поддерживаю дружбу, может, завтра ей позвоню по телефону. Ей далеко уже за восемьдесят, ее маме только что стукнуло сто. Не знаю, жива ли ее мама, весной была жива... 16-го, что ли, мая стукнуло сто. Мама у нее очень здоровая, веселая, кофе нам подает, когда я к ним прихожу в гости. Ну и сама Галя — это красавица с косой... Впрочем, я не могу сказать, что был в нее влюблен, но я был поклонником ее красоты, естественно. Замужем она не была, детей у нее нет. Она до сих пор действующий доцент геофака МГУ, геоморфолог по специальности.

Вообще, достойно удивления, какое число окончивших студентов принимает свой же факультет. Я не знаю, как это так, ведь не растет же он без конца! На кого ни посмотришь — все там же и остаются работать, где учились, и я в том числе тоже одно время работал на геофаке МГУ. Галя Постоленко. Потом была некая Нина Говорова, до этого она плясала в ансамбле Моисеева, но так как она была склонна в полноте и у нее уже намечался порок сердца, ее по состоянию здоровья убрали из ансамбля, она стала географом. Потом была некая Беба Давыдова, которая разговаривала козлиным тоном. Она мне часто говорила: «Баа-рис, ты становишься просто невына-си-и-имым!». Интересно, что об этом я рассказал своим нынешним девушкам и женам, и они тоже мне ее говорят. И, наконец, там была некая Наталья Сивохо. Она почему-то вообразила, что я в нее влюбился, и это, оказывается, было пороком. Она мне этого до сих пор не может простить.

Ю.С.: Что не влюбился.

Б.Р.: Нет, что я в нее влюбился тогда...

Ю.С.: Да?

Б.Р.: ...якобы. А я на самом деле был влюблен в совсем другую девушку, Лену Маркову, которая была в другой бригаде. Лена Маркова, возможно, тоже еще жива, но она меня не любит. Ну вот, такая была ситуация. Дальше нам выдали... Это интересно вообще?

Ю.С.: Да!

Б.Р.: Дальше нам выдали — я же бригадир, отвечал за все — незнакомые мне инструменты. Центральное место занимает теодолит. Он тогда еще был сделан из латуни. Это сейчас уже эпоха пластиковых трубок, а тогда была еще латунь.

Ю.С.: Сейчас вообще цифровые. Лазерные.

Б.Р.: Ну да, это было давно. Значит, из латуни. Красиво все эти верньеры, нониусы. Знаешь, да?

Ю.С.: Да-да, работал.

Б.Р.: Все это очень красиво и интересно: треножник, винты.

Ю.С.: Рейки.

Б.Р.: Да, рейки — само собой. Сейчас мы пока сосредоточились на теодолите. Значит, я решил, что он же подзорная труба, его можно использовать, чтобы рассматривать звезды. Я поставил вечером теодолит на берегу Москвы-реки и стал смотреть Венеру. Не могу сказать, что что-то там интересное увидел, но выстроилась очередь тоже смотреть. И при этом я что-то уронил. Уронил я, кажется, вообще весь теодолит, его трубу, потом опять это как-то водрузили. Дело в том, что я спутал винты, которые прикрепляют теодолит к штативу, и те, которыми регулируется положение штатива. Теодолит от штатива отделился и упал на землю. Я это скрыл. Потом это разбиралось как мой проступок, но, забегаая вперед, скажу, что, несмотря на все это, невязка у нас была не выше нормы. Знаешь, что такое «невязка»?

Ю.С.: Да, еще бы!

Б.Р.: Но, конечно, центром всей геодезии была пресловутая задача Потенота.

Ю.С.: Это я не знаю.

Галчонок Потенот

Б.Р.: Задача Потенота — это сложная задача, я сейчас не могу сказать, что это такое. Нужно шестнадцать раз поворачивать трубу вокруг оси, записывать что-то — в общем, сложная задача. Никому это никогда не понадобилось в жизни, но с этим были связаны кое-какие воспоминания. Потом мы приступили к работе и начали свой полигон обрабатывать. Начальник я никудышный, но моя задача была в том, чтобы следить, когда подойдет преподаватель: чтобы девицы оделись, которые загорают. Они загорали в основном, а, надо вам сказать, в те годы купальники, состоящие из двух частей, трусов и бюстгалтера, были в Европе редкостью. В Европе Западной за это не то Бриджит Бардо, не то кого-то еще чуть не забрали в полицию... Когда ей полицейский в Испании сказал: «Мадам, в нашей стране не принято загорать в купальнике, состоящем из двух частей», — она его спросила: «Какую же часть вы предлагаете мне снять?» А у нас девушки уже носили такие купальники. И вот они в этих купальниках, бюстгалтерах и трусах, загорали, а я стоял на стреме и смотрел в трубу, когда идет преподаватель, чтобы их предупредить. Наташа Сивохо решила, что я в нее влюблен, велела мне не смотреть на нее даже в трубу. Так мило мы проводили время. Но что-то мы делали.

У нас были выходные дни. Я как энтузиаст туризма выходные дни использовал очень интенсивно: уходил далеко, много ходил пешком. У нас поблизости было озеро, которое называлось Пионерское, это название было дано москвичами. Оно находилось при какой-то деревне. Идти туда было далеко, километров двенадцать (к северо-востоку от Красновидова — Б.Р.). Я в одно из воскресений пошел туда совершенно один. Дошел до озера — и обратно. На это у меня ушел целый день. Но я пожалел, что я туда ходил. Тем временем в нашем лагере произошли потрясающие события... За несколько дней до этого наши мальчишки, бывшие фронтовики, выбрали хромого галчонка. Его выхаживали, назвали Потенотом в честь этой геодезической...

Ю.С.: Задачи.

Б.Р.: ... задачи Потенота. У нас была «белая палатка» — она была более выцветшая (потом комсомольская организация разбирала всю эту историю), и там была «свобода слова», то есть там матерились и, кроме того, выпивали. Галчонку этому тоже давали спиртное, и он вскоре околел.

” Когда галчонок околел, ему устроили грандиозные похороны. Ничего подобного я в своей жизни раньше не видел. Все превратились в актеров: были настоящие рыдания, гигантская похоронная процессия...

Ю.С.: «Священник»-то был?

Б.Р.: Кто-то, может быть, и его изображал, хотя тогда это был век атеизма. Но могли обойтись и без этого. Участвовали все студенты первого и второго курса, а также отдыхающие из Дома отдыха. А также местные крестьяне. Все, все очень серьезно к этому отнеслись. Там были настоящие рыдания, крики (*сквозь смех*): «Пустите меня к нему!» — то есть желание упасть в могилу, все это. Но я этого не видел, потому что в этот день пошел на Пионерское озеро. Я этого не видел, но всю жизнь потом слышал об этом рассказы, такие рассказы, как будто я это видел. Там был бывший фронтовик Женя Страдомский, он давно уже умер, спился, но успел побыть сотрудником Института географии, и о нем тоже вспоминают благодарные ученики. Ну и так далее. Там много было фронтовиков бывших. Как ни странно, именно они этим делом заправляли. Причем под влиянием этого спектакля оказались все преподаватели, они тоже в этом участвовали, со всей серьезностью. Они пели песню похоронную «Умер наш дядя, как жалко нам его...» Знаешь этот похоронный марш?

Ю.С.: Нет.

Б.Р.: Нет, ну какой похоронный марш, какая у него мелодия?

Ю.С.: Ну, я не могу...

Б.Р.: В общем, слова такие: «Умер наш дядя, как жалко нам его. / Он нам в наследство не оставил ничего. / Тетя хохотала, когда она узнала, / Что он нам в наследство не оставил ничего...» Рыдания были натуральные, слезы текли. Все преподаватели примкнули. Салют из ружей. А я этого ничего не видел, пришел поздно вечером.

Ю.С.: И чем дело кончилось?

Б.Р.: Пока ничем, а осенью, как же: партком, комсомольское бюро — осенью было такое дело! Я даже произнес яркую речь на комсомольском собрании, все мне аплодировали. Речь — я даже не понял, в чью же защиту я произнес.

Ю.С.: Потенота! (*Смеется*.)

Б.Р.: Нет, не совсем. Вот так прошло это яркое лето. Мне кажется, это все-таки была первая часть лета. Вторая же часть лета у нас какая была практика... Сейчас я это не помню.

Наступал второй курс. У нас занятия начинались на каждом курсе с опозданием на некоторое время: первый курс — 1 сентября, второй курс — 15 сентября, третий курс — 1 октября, и так далее. А уж на пятом курсе многие вообще не успевали из экспедиций вернуться чуть ли не до февраля, но им все прощалось, они же работали. Кое-кто на полюсе, и несколько человек погибли за годы обучения...

Ю.С.: В экспедициях?

Б.Р.: Да, в экспедициях. Один спускался слишком быстро с гор на Тянь-Шане, порок сердца. Кто-то в пожаре на моторной лодке — или это уже было после окончания геофака?.. Две девушки провалились на тонком льду в какие-то ямы в районе Салехарда.

Но это началось уже не на первом курсе, позже. Были трагические гибели и потом, но это особая тема. Я думаю, что в годы обучения, а также в первые пять лет после у нас человек двенадцать погибли.

Ю.С.: Много.

Б.Р.: Не так уж много, десятая часть примерно. Кроме того, два или три человека умерли от болезни. И вот наступил второй курс, и передо мной встала задача выбора специальности. Я выбрал «Экономическую географию СССР».

Ю.С.: О господи!

Выбор специальности

Б.Р.: Почему я это выбрал? Потому что я реально оценил ситуацию. Во-первых, как полевой работник я чувствовал себя неуверенно, мне было, видимо, тяжело, потому что... Я с детства считался болезненным, но оказался живучим: мне уже восемьдесят два года с половиной — от меня этого не ожидали мои ровесники. Они, кстати говоря, уже и не ожидают, они почти все умерли. Но в то же время не было у меня спортивных навыков, умения жить в коллективе в полевых условиях — не было этого во мне, во-первых. Во-вторых, я тяготел к комплексной географии... Я любил единую географию, а тут нужно было разделяться. А в экономической географии было больше комплексности, потому что, во всяком случае, корифеи экономической географии, такие, как Николай Николаевич Баранский, любили физическую географию, ценили ее. Они понимали, что без физической экономика география не может существовать. Экономическая география была для них не отрасль экономики, как сейчас для многих, а часть географии, почти единой науки географии, которую объединяют методы: картография, географическая карта, географическая специфика и так далее. Я решил, что экономическая география, или, как сейчас ее называют, социально-экономическая, более комплексная, больше отвечает моим потребностям. Я выбрал СССР, потому что понимал, что поездки за границу мне не светят. В те годы надежды попасть за границу было мало, хотя, возможно, было бы интересней заниматься зарубежными странами. Но заочное изучение зарубежных стран, в библиотеках только, меня не привлекало, я хотел видеть объект изучения своими глазами.

Но все-таки я отдал дань зарубежным странам. В начале второго курса, по своей инициативе, никого не спрашивая, но, правда, заручившись поддержкой администрации, мы, «дружная шестерка», которые ходили в ноябре прошлого года в поход, решили писать коллективную курсовую работу для описания Тибета. Мы решили, что Тибет — это самая экзотическая и перспективная страна. В то время Китай как раз прибирал его к рукам. Мы тогда, наверное, были на стороне Китая в этой проблеме. Сейчас-то я сторонник освобождения Тибета, но тогда коммунистический Китай триумфально прибирал к своим рукам окраинные регионы, и китайская армия вошла в Тибет. О Тибете скудные были сведения, и мы сколотили группу для комплексного описания Тибета силами пяти студентов разных кафедр. Все это по нашей,

студенческой, инициативе. Это мы придумали, члены этой шестерки, никто нам не подсказывал. Среди нас были ботаник и гидролог. Нашим руководителем согласился стать профессор Петр Иванович Глушаков из МГИМО. Я тогда съездил в МГИМО, институт, который дипломатов готовил.

Ю.С.: Как вы его нашли?

Б.Р.: Ну как! Нашли. Мне сказали, я приехал, поговорил.

Ю.С.: Вы с ним разговаривали?

Б.Р.: Да, я с ним разговаривал. Что, на меня не похоже? Я, может, в молодости был более активным, нормальным, чем сейчас. Но к Новому, 1952 году наша группа распалась, и мои товарищи занялись кафедральными темами. И два человека сохранили верность Тибету: Иосиф, Оська Михайлов и Энергия Васильевна Рогачева. Была у нас такая девушка, Энергия Васильевна Рогачева. И она была очень энергичной. Она стала доктором наук, и сейчас она, по-моему, жива, и детей рожала одного за другим. О ней можно найти сведения в интернете. Они подготовили что-то о Тибете, и в конце концов это пригодилось как стенд в Музее земледования МГУ, в 1953 году, когда университет переехал в новое здание. Значит, это не пропало. У меня остались кое-какие воспоминания о Тибете. Время шло, а у меня не было курсовой работы. Интересно, что тогда никто персонально мной не занимался из администрации. Я жил, ходил на занятия. И вот идет уже миновал Новый год, а у меня нет курсовой работы, и никто об этом не знает.

Да, забыл сказать, что после геодезической практики у нас была в Крыму общегеографическая практика. Геодезическая практика была только в первой половине лета, продолжалась около месяца. Дальше мы все поехали в Крым.

Ю.С.: Ну, это было вообще, наверное! Впечатлений!

Б.Р.: Конечно! У нас было очень хорошее обучение. Мы поехали в Крым поездом, помню как сейчас...

Ю.С.: Чуть громче, я плохо слышу.

Б.Р.: Мы поехали в Крым на скором поезде «Москва — Севастополь», но сошли в Джанкое, потому что нам надо было ознакомиться со степным ландшафтом. Представляешь, где Джанкой?

Ю.С.: Да.

Б.Р.: В поезде, помню, наши девушки крутили романы с моряками из Севастополя, и один из этих романов... Нет, два эти романа принесли плоды.

Ю.С.: Да?

Б.Р.: Да, они впоследствии вышли замуж. И я навещал их во Владивостоке много лет спустя.

Ю.С.: Вот это да!

Б.Р.: Но обе они уже умерли. Вот так, шустрые какие были. Так и должно быть, конечно. В Джанкое нам что-то показывали, солончаки, или такыры, неприглядный какой-то район. Дальше — Бахчисарай. Посещение ханского «парка культуры и отдыха» там тоже было, но у нас база какая-то была, по-моему...

Ю.С.: База в Бахчисарае была?

Б.Р.: Нет, где-то дальше, по-моему...

Ю.С.: В Прохладном, наверное?

Б.Р.: В общем, где-то по дороге там. Надо сказать, что у меня имелась довоенная карта Крыма с татарскими названиями, она у меня и сейчас есть, большая редкость. Ну вот, дальше мы пошли пешком. Мы пошли от этой базы... Может быть, Соколиное называется, уже не помню сейчас название, не имею возможности все проверять, все факты. Если бы я писал, я бы, конечно же, сейчас все проверял.

Ю.С.: Понятно.

Б.Р.: Ну вот. Мы пошли пешком. У нас был чудесный маршрут пеший. Это было уже в июле-августе, очень приятный.

”

В крымскую практику я тоже попал не случайно, потому что меня мои любимые друзья путем интриг выпихнули из других, более престижных практик. У нас все были большими романтиками, все стремились испытывать трудности, а Крым считался самым непрестижным местом.

Ю.С.: Понятно.

Б.Р.: На первом месте были Хибины. Те, кто туда попал, чувствовали себя элитой. На втором месте был Западный Кавказ, а на третьем месте был Крым. Я попал в Крым. Наша группа состояла из пяти мальчиков, из коих три — бывшие фронтовики, что очень полезно было для нас, и тридцати девушек.

Ю.С.: Ух ты!

Б.Р.: Эти девушки шли пешком в купальниках двухчастных, то есть в трусах и бюстгальтерах, в каких-то тапочках...

Ю.С.: Фантастически!

Б.Р.: ...три дня подряд. Вещи везла грузовая машина. К месту обеда и к месту ночевки она подходила. Это очень хороший способ путешествия: машина шла по шоссе, а мы... И Большой каньон прошли. Знаешь, что такое Большой каньон?

Ю.С.: Я в нем был, да.

Б.Р.: Мы прошли Большой каньон криво, снизу вверх. Прошли мы его, конечно, за несколько часов, не за весь день. И расположились ночевать около метеостанции на горе Ай-Петри. Я очень серьезно относился и к дневнику, и ко всему, шел, обвешанный всякими сумками полевыми. Лучше всего, если бы на мне был просто хороший рюкзак, но тогда все это как-то иначе выглядело, в те годы очень ценились полевые сумки, сбруи, портупей...

Ю.С.: Ну, после войны, конечно.

Б.Р.: Ну да. И у меня висел еще полевой дневник на веревочке, но кончилось тем, что я его там потерял, сразу же. У меня с записями дело обстояло очень хреново. Мы прошли Большой каньон без труда, поднялись и к вечеру пришли ночевать на базу на Ай-Петри. А утром надо рано вставать, смотреть восход солнца. Нашими руководителями были Людмила Алексеевна Михайлова, физико-географ зарубежник, специалист по Африке, и Юрий Павлович Пармузин, исследователь Сибири и сибиряк по своим интересам, а может быть, и по происхождению. Утром я встал восхищаться этим самым восходом, а вышел Пармузин, что-то почесал себе и сказал: «О, ерундово тут». В общем, для него это была ерунда. Потом мы стали стремительно спускаться вниз, в Ялту. Это было довольно утомительно. Я пришел к выводу, что подъем тяжел для сердца, а спуск для ног. Ноги, конечно, ныли. Мы быстро спустились в Ялту, за полдня. По дороге проходили большие бетонные баки, врытые в землю. Я думаю, что это такое? Открыл крышку, а там лежат дохлые собаки, с которых снята шкура. Ужасно! Можно себя представить туда провалившимся, а потом крышку захлопнут над тобой, и все. Так нашей базой стал Магарач. Магарач — это такое место, связанное с виноделием, к востоку от Ялты. Сейчас это входит в черту Ялты. Нашей базой была школа. Мы спали на полу между парт, а наше руководство на каких-то квартирах. Конечно, впечатлений была масса. Это год 1951-й. Масса впечатлений: Ботанический сад...

Ю.С.: Голодные были, нет?

Б.Р.: Голодноватые. Мы питались, конечно, дрянью, аппетит же у нас был. Очень много ели баклажанной икры. У нас песня была: «Нам, туристам, все равно...», что-то такое... «...что повидло, что баклажанная икра». После практики у нас осталось восемьдесят банок из-под баклажанной икры, стеклянных. У меня было много приключений тут есть о чем рассказывать. Я думаю, что сегодня мы рассказов о приключениях моих в Крыму не закончим, потому что у меня приключения яркие, рассказывать о них стоит.

Ю.С.: Стоит?

Б.Р.: Ну да. Значит, Магарач. Еще у нас было другое место, потом мы из Магарача переместились в Гурзуф. Мы ходили по Крыму только пешком. Гурзуф недалеко, может быть, в часе ходьбы. Ты представляешь, где это? Гурзуф там, где «Артек». И расположились на базе в Гурзуфе, ночевали. Там мы занимались камералкой, надо было обработать результат наблюдений.

Восхождение на Аюдаг

Б.Р.: Меня манила гора Аюдаг...

Ю.С.: Да, это всех...

Б.Р.: Мне обязательно надо было взойти на ее вершину. Поэтому я, никого не спросив, отправился (может, сказал только товарищам, но не руководству), на Аюдаг один. Это было нарушение дисциплины.

Ю.С.: Ну, это понятно.

Б.Р.: Я позволял себе такие поступки. Я стал подниматься на Аюдаг с крутой стороны, со стороны...

Ю.С.: Со стороны моря, что ли?

Б.Р.: Нет-нет, со стороны суши.

Ю.С.: Со стороны суши там и есть тропа наверх.

Б.Р.: Да, но я не по тропе шел, а полез прямо по склону. Я не знал тропы, это потом, когда уже на вершину выйдешь, ты видишь тропу и спускаешься комфортабельно вниз... Это, конечно, был глупый поступок. Я лез просто так, цеплялся за скалы, за камни...

Ю.С.: Это сложно там!

Б.Р.: Сложно, сложно. И вот тут-то я обнаружил, что потерял сумку поясную, или кошелек, со всеми документами и деньгами. Я спустился вниз, нашел ее и опять полез.

Ю.С.: А, нашли все-таки?

Б.Р.: Нашел и полез дальше. Здесь я стал огибать вершину и по горизонтали приближаться к морю. И вот я оказался над морем. Я держался за кусты, за камни, и внизу было море. Оттуда уже, с морской стороны, я вскарабкался на вершину.

Ю.С.: Ух ты!

Б.Р.: На вершине там были камни, лежали записки...

Ю.С.: Крепость там.

Б.Р.: Да, развалины. Там была уже комфортабельная партенитская тропа, которая шла...

Ю.С.: Ну, это вниз туда.

Б.Р.: Да. Ну вот, я был на вершине. Там лежали записки свежие от восходителей, в основном писали дети. Одна записка была примерно такого содержания, что «мне было идти тяжело, но дядя Сережа сказал мне, чтобы я шел, меня подбадривал, и вот мы пришли...» и так далее. Еще какие-то. Эти записки я изъял, свою оставил взамен и повез это все в Москву. Где-то у меня, возможно, в архиве они лежат, но найти что-то в моем архиве мне уже некогда, и никто, наверное, уже не найдет. После этого я по партенитской тропе, комфортабельной, быстро спустился в сторону этого населенного пункта...

Ю.С.: Там с этой стороны не по партенитской тропе можно подняться...

Б.Р.: Я в сторону Алушты спустился. Потом вышел на шоссе и голосовал. Меня попутная машина повезла в Гурзуф...

Ю.С.: Я поднимался много раз...

Б.Р.: ...но был же уже вечер. Вечером было темно. Значит, я явился. Ну что, с каким лицом и куда явился... Все молчат. А что можно сказать — все молчат.

Ю.С.: Ну что, в Москву отправили?

Б.Р.: Нет, не отправили, я сейчас расскажу подробно. Значит, первый такой поступок. На следующий день — собрание. В общем, так, мол, и так, за такие поступки мы отправляем, с практики исключаем. Но так как Родоман говорит, что он [это сделал] под влиянием своего энтузиазма и любознательности, мы его оставляем, но с условием: все идут пешком, а Родоман едет на машине. Но это еще не все. Следующий пункт перемещения — это нам нужно подниматься на гору Чатырдаг, а у подножия Чатырдага следующая база. И, значит, наказание такое: они идут пешком и по дороге ведут наблюдения, а я еду на машине с девицами, у которых «критические дни». Так как девиц было тридцать, то, естественно, что у какой-то их части ежедневно это было, и они ехали на машине. А я с ними. Нас перевезли быстро на следующий пункт, и там уже был вынесен окончательный приговор относительно меня: все поднимаются на Чатырдаг, а Родоман остается внизу. Я на Чатырдаг не поднимался.

Дальше мы переместились через Алушту в место, которое называлось в то время Рыбачье. Оно и сейчас так называется. Татарское его название Туак. Там жили греки. Вечером мы там расположились, купили рыбы и на костре стали эту рыбу варить.

Ю.С.: А вино-то покупали?

Рыбья кость и больница

Б.Р.: Дело в том, что я... Я скажу потом. К вечеру многие напились, но это потом уже, слушай, это существенно: я до этого момента вина не пил. Я не пил вино, не участвовал, но наши фронтовики, конечно же, устраивали это дело. И шофер у нас был. И вот наелись мы этой рыбы, а я не привык есть рыбу с костями, мне мама всегда что-то готовила без костей, какие-то котлетки... Я не успел утолить голод. Было очень голодно, целый день ничего не ели. И так я ничего и не съел. Я только взял это в рот, и мое горло наполнилось огромным количеством костей. Я подавился рыбьей костью. Ко мне отношение изменили (я был теперь не преступник, а пострадавший), особенно девицы. И все загалдели: «Что делать? Надо везти Родомана к врачу!» А шофер уже напился, ведь когда кончается рабочий день, все...

Ю.С.: Ну да.

Б.Р.: ...все напиваются мужики, и шофер напился, а тут надо меня везти. Куда? В Алушту, в больницу, в поликлинику. И вот повезли. Дорога грунтовая, горная дорога, плохая, никакое не шоссе.

А особенность грузовика была в том, что у него посредине бочка с бензином. И бочка плохо привязана, катается от одного борта к другому. Не знаю, насколько наполнена бочка, но это чудовищно. Мы ночью мчимся по горной дороге, по серпантинам, шофер пьян, ребята-фронтвики, двое или трое, которые меня сопровождают, тоже пьяны. Они выпили по триста грамм чего-то или побольше, возможно, даже не вина, а водки. И эта бочка, которая катится с одного борта до другого.

Меня везут закутанного в одеяло. Видимо, мое одеяло, я не знаю. У меня тогда и спального мешка не было, я был слишком беден, но одно тонкое одеяло я с собой возил, байковое. Вот меня привозят в поликлинику в Алуште. Уже ночь, не меньше двенадцати ночи. Врачи что-то такое говорят: «Молодой человек, инструментов для извлечения рыбьих костей в Алуште нет, вам надо ехать в областной центр, в Симферополь». А потом он нас вспоминал: «Там, — говорит, — ночью приехали какие-то, говорят, мы рыбаки, вот подавились рыбьей костью». Название-то населенного пункта — Рыбачье. Но что же делать? Тут же принято было решение. Телефонов тогда не было мобильных, сами ребята приняли решение: меня не мешкая везти в Симферополь. Повезли меня в Симферополь, и ночью я видел «Кутузовский фонтан». Это на перевале такое место, где Кутузов потерял (или повредил) глаз, когда участвовал в боевых действиях в Крыму.

Ю.С.: Разве он там потерял?

Б.Р.: Да. Сейчас это место отдельно расположено, сейчас трасса проходит не так, а тогда это было единственное шоссе...

Ю.С.: Я думал, он потерял глаз где-нибудь под Измаилом.

Б.Р.: Нет, он, говорят, там потерял. Но это все можно проверить. То, что я говорю, конечно, не на 100%, но я думаю, это проверить можно хоть сейчас. Вот у нас интернет под боком. Где Кутузов потерял глаз, сейчас тебе это скажут. Значит, этот фонтан Кутузовский мелькнул при свете фар нашего грузовика. Грузовики тогда были маленькие, открытые сверху, на них были скамейки поперек. Ну, ты помнишь. Привезли уже засветло в Симферополь, в больницу, положили на операционный стол и стали загонять трубу мне в глотку. Надо было сделать так, чтобы моя глотка, пищевод, прямая кишка и задний проход — все было на одной прямой. И стали загонять широкую трубу туда. Я уже потерял, конечно, дар речи. Ребята смотрят на меня с жалостью. Трубу извлекли, ничего не нашли, сказали, что я остаюсь в больнице. Я ребятам успел написать записку: «Родителям не сообщайте». И они чуть ли не со слезами на глазах со мной расстались. При мне был паспорт, какое-то количество денег. И все, я остался в больнице, где я пробыл дня четыре. И что я там делал? Я там ничего не делал, и никто на меня не обращал никакого внимания. Это было лето... При больнице был хороший сад, по нему гуляли больные. Мужчины в белых кальсонах и белых рубашках, а женщинам выдавали халаты. Может быть, поверх нижнего белья. Но мужчинам не давали халаты. И они флиртовали в таком вот виде. Мужчины флиртовали с женщинами, крутили любовь, хотя были в кальсонах. Время от времени приходила сестра, находила каждого из нас в саду, ничего не говоря, задирала штаны и делала укол. Так вот, единственное, что я там...

Ю.С.: И ничего не вытащили вам?

Возвращение на базу и история со сливочным маслом

Б.Р.: В конце концов я стал говорить, что я уже не чувствую эту кость, что, возможно, она уже переварилась. И я стал требовать, чтобы меня из больницы выписали. Меня выписали: диагноз —

вопросительный знак, «выписывается по собственному желанию». Я собрал свой рюкзак и отправился на дорогу, стал голосовать. И какой-то шофер взял меня и привез почти в Ялту. По дороге он мне что-то много рассказывал. Оказалось, он из Феодосии. Феодосию, город моего зачатия, я очень любил. В общем, денег никто никаких с меня не брал тогда, все бесплатно. И меня привезли. Куда же мне идти? Идти в Магарач? Ведь наша база основная — это Магарач. Где сейчас наши студенты, я не знаю, ничего не знаю, связи с ними нет. Я пошел пешком в Магарач, но тут наступила темная ночь. Местность густонаселенная, вокруг какие-то дома, сады, собаки. Я расстелил свое одеяло, переночевал чуть не на камне. Утром я проснулся, увидел, что осталось всего несколько сот метров до Магарача. Пришел в Магарач. Кто-то дал мне ключ, я открыл школу, поселился один в пустом классе. Есть мне было нечего, но люди, окружающие, заметили меня, спросили, куда-то привели, накормили обедом. Где наши студенты — неизвестно, ушли куда-то в район... Может быть, в Коктебель, заканчивать там [работы]. Но тут вдруг пришла телеграмма: «Триста рублей переведены Гурзуф телеграфом». Телеграмма от родителей, они почувствовали, что мне деньги нужны, и прислали. Я пошел в Гурзуф, получил деньги. Там по дороге разные парочки лежали, даже голые. Уединенные места, людей мало. Я вернулся и наконец воссоединился со своими студентами. Кажется, это произошло в Гурзуфе или в том же Магараче. Тут меня все приняли с распростертыми объятиями, но значительную часть практики я потерял. Все меня любят, все хорошо, но практика уже заканчивается. Людмила Алексеевна Михайлова, очень добрая женщина, Пармузин, все люди приятные. И стали мы сдавать посуду. Восемьдесят банок из-под баклажанной икры привезли в магазин, сдали, на эти деньги купили сливочное масло, пять килограммов, дали это масло нести мне. Я спросил: «А во что его завернуть?» Продавщица сказала, что, кроме куска бумаги, ничего дать не может, не положено. И я нес пять килограммов сливочного масла, прижав их к груди, ни во что не завернутые. Я шел так по жаре, масло расплывалось, я его подбирал, и как-то его донес. А на мне была чуть ли не самодельная рубашка, возможно, сшитая моей мамой из грубого серого холста. И на этой рубашке от сливочного масла образовалось жирное пятно диаметром сантиметров сорок. Я это отстирал в море без мыла. Может быть, в масле и жира никакого не было, не знаю, но это уже два случая было в моей жизни, и оба в Крыму, когда мне без мыла простой водой нужно было отстирать остатки масла или супа.

Ю.С.: Практику-то вам зачили?

Б.Р.: Зачли. Это не просто для меня прошло. Сейчас я закончу. Эта практика в моей жизни сыграла колоссальную роль. На ее базе и выросло сочинение, которое впоследствии сделало из меня теоретика-географа. Именно на базе этой практики, в попытке написать отчет, который я так и не написал. Вместо этого я написал сочинение о том, каким должно быть географическое описание. Но это было уже зимой. Лето для меня на этом не кончилось. У меня были какие-то деньги — ведь родители прислали триста рублей. Сейчас трудно сказать, много это или мало, но...

Ю.С.: Прилично.

Одинокое путешествие по Крыму

Б.Р.: Ну вот, значит, деньги были. Я же ездил бесплатно! Я объехал Крым на семнадцати попутных машинах. Распрощался со студентами, с преподавателями, обещал, что напишу отчет осенью... Тепло с ними распрощался, а с Людмилой Алексеевной Михайловой переписывался, писал ей письма, она мне отвечала. Почта тогда работала хорошо, и даже во время путешествия я мог не только написать письмо, но и дожидаться ответа «до востребования» в следующем пункте, который назвал. Сейчас это немыслимо. Я отправился в свою родную Феодосию, посетил, по-моему, и Судак, и Старый Крым, и Феодосию. В Феодосии я поселился в школе, меня пустили, тогда всех пускали. Я предъявлял документ, что я студент геофака МГУ — меня пускали ночевать в школе. Но потом в школе начался учебный год. Я тут вставал, а там уже школьники выстроились на линейке. И меня взял к себе ночевать один шофер. Шофер мне говорил, чтобы я у него жить остался, он меня очень полюбил. Но это мне никак не подходило. В Феодосии я хорошо осмотрел окрестности. Дело в том, что в Феодосии во время дождей бывают такие

сильные потоки воды, что они текут через город, там строят мостки. Тогда так было. На горах там устроены конденсаторы воды, еще при генуэзцах построены, росу собирать — очень много собиралось росы на камнях, она сливалась вниз. Воду экономно использовали. Потом очень яркий объект: самая восточная гряда Крымских гор, она там заканчивается, и самая восточная гора у местного народа называется «Жопа мадам Бродской», потому что была такая купчиха, мадам Бродская, и эта гора действительно напоминает задницу со щелью посередине. Об этом местный шофер мне рассказал. Этот шофер меня очень любил, и я у него ночевал, может быть, одну ночь или две — на крыше. Хорошая крыша, плоская. Но я от него просто сбежал, потому что мне неловко было с ним расставаться. Я сел на грузовую машину, которая шла в Керчь, и на ней доехал до Керчи. Да! Перед этим я совершил такой подвиг: пересек за один день перешеек Керченского полуострова, двадцать пять километров от Черного моря до Азовского. Я прошел все двадцать пять километров от Черного моря до Азовского за один день и возвращался на попутной машине с Арабатской стрелки. Арабатскую стрелку тоже увидел.

На следующий день поехал на грузовой машине в Керчь. Тут шофер требовал, чтобы я ему заплатил, но я отказался, сказал, что денег у меня нет. Приехал я в Керчь вечером, в знойный день. Где ночевать? Я полез на памятник, который там был, советским воинам. Там на скамейке шириной двенадцать сантиметров пытался уснуть, ничего из этого не получилось. Утром я как-то оказался на базаре. Пошел посмотреть, не выспавшись, на грязевые вулканы, к северу от Керчи. Я нашел эти грязевые вулканы, или «блеваки», как их называли местные жители, но по литературе, на слух я этого не слышал. Я дошел до одного из вулканов и сунул туда ногу. Моя нога туда погрузилась, я чуть не утонул. И вся левая брючина или правая была покрыта грязью. Я оттуда по-пластунски выполз, и теперь мне, прежде чем вернуться в цивилизованный мир, надо хотя бы брюки отстирать. Рядом, за холмом, было Азовское море. Я пришел туда и переночевал в стог с соломы. А наутро полдня отстирывал брюки и пил воду из Азовского моря. Там соленость только тринадцать промилле, небольшая, пить можно. Особенно я не упивался этой водой, но так, немного. И когда все отстирал, я пришел в Керчь на вокзал и сел в поезд, который шел в Феодосию. Тогда использовались трофейные вагоны, которые привезли из Германии. Это были короткие двухосные вагоны, на их концах были открытые площадки под навесами, и на одной из таких площадок я «зайцем», никому ничего не платя, не предъявляя ничего, доехал до Феодосии. В Феодосии я сел на автобус, который шел в Москву. Тогда впервые было [открыто] автобусное сообщение. Оно было с ночевкой в Харькове. В Харькове люди могли или спать в автобусе, на полу, где хотят, или идти в гостиницу. Автобусы были примитивные, такие же, как в городе, не было там никаких особенных кресел. Пассажиры автобуса заметили, что я ничего не ем, и стали меня кормить. В Харькове мы остановились. Я немножко погулял, Потом я вынул подлокотники из сидений и там переспал, в автобусе. И так я благополучно приехал в Москву.

На этом я сегодняшний рассказ заканчиваю. Могу сказать, что подобных приключений у меня в дальнейшем было очень много.

Ю.С.: Да. А в то время татар ведь только что выселили...

Б.Р.: Конечно, татар выселили, мы об этом знали. Об этом не принято было говорить. Среди нас была одна девушка, Роза Мажитова, казанская татарка, нам сказали, что при ней эту тему не нужно развивать.

Ю.С.: А сами-то между собой обсуждали?

Б.Р.: Конечно обсуждали. У меня была карта старая Крыма, и я прекрасно знал... Я в Крыму побывал, если помните, я в прежнем интервью говорил, в 1939 году. Я ел татарские чебуреки, пил татарскую бузу, я знал старые татарские географические названия. Там были даны дурацкие советские названия типа Приветное, Светлое, Радостное, Солнечное...

Ю.С.: Да-да.

Б.Р.: Очень убогий запас представлений наших чиновников, когда они придумывали географические названия.

Текст авторизован Б.Б. Родоманом.

